

ЗНАЧЕНИЕ ПРОСОДИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ТОЛКОВАНИИ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ

THE MEANING OF PROSODIC INFORMATION IN LEXIGORAFIC REPRESENTATION OF POLYSEMY AND HOMONIMY

*Павлова А.В. (anna.pavlova@gmx.de)
SAP AG, Walldorf, Deutschland*

Лексическая семантика слова в значительной мере предопределяет его сильную или слабую акцентную позицию, его тяготение к тематической или рематической части высказывания. Обнаружение связи между лексическим значением слова и его потенциальной ударностью или безударностью во фразе позволило бы уточнить лексикографическое описание значений. В частности, опора на такие связи способствовала бы более тонкой дифференциации значений полисемических лексем. К акцентному выделению тяготеет в первую очередь лексика с субъективно-оценочной, ретроспективной и негативной семантикой. Однако имеется немало факторов, которые способны вступать в противоречие с просодическими характеристиками на уровне словаря: определенное коммуникативное задание (например, чистая повествовательность, причинность, событийность), фразеологическая связанность, однородные члены, употребление числительных. Если описывать потенциальное акцентное поведение того или иного слова в словаре, то необходимо по крайней мере в предисловии описать потенциальные же препятствия, которые в реальной речи способны свести на нет просодическую характеристику того или иного значения многозначного слова или одного из омонимов. Очевидно, что далеко не все слова в словаре (и даже, скорее всего, меньшинство) требуют подобной просодической информации. С другой стороны, иные значения столь тесно связаны с фразовой просодией, что пренебрегать этим фактом в лексикографии нельзя.

В литературе по актуальному членению предложения внимание в основном концентрируется на противопоставлении «данное – новое» в зависимости от контекста и на логических противопоставлениях: контрасте, антитезах, а также на роли логических частиц. Однако материал показывает, что во многих случаях решающим оказывается лексическая семантика определенных элементов предложения. Специальное внимание в этом докладе уделяется акцентному поведению слова в зависимости от употребления в том или ином из его значений. Этот аспект должен учитываться при составлении словарей.

Нас будет занимать исключительно восприятие письменной речи: ее декодирование интерпретатором на уровне актуального членения предложения. Теория актуального членения (ее называют также теорией коммуникативного или тема-рематического членения) насчитывает несколько десятилетий своей истории (первая статья на эту тему, работа В. Матезиуса, вышла в свет в 1947 году¹. Эта теория сосредоточилась главным образом на объяснении коммуникативного членения порядком слов и контекстом, а также контрастом, логическими антитезами и ролью частиц в усилении или ослаблении рематической роли тех или иных элементов предложения)².

В работах по актуальному членению, наряду с подчеркиванием превалирующей роли порядка слов и контекста при определении места фразового ударения как метки ремы, отмечается большая степень свободы говорящего или озвучивающего письменную речь в расстановке фразовых ударений. Несомненно, произвольность трактовки коммуникативного членения, определения информационного центра и периферии высказывания воспринимающим письменную речь субъектом – это факт, который объясняет различия в озвучивании, например, одних и тех же художественных текстов разными чтецами. Тем не менее, представляется, что выделить и назвать определенные тенденции, позволяющие трактовать тема-рематический состав высказываний определенным способом с высокой степенью вероятности, возможно. В настоящем докладе расстановка фразовых ударений во всех примерах основана на вероятностном подходе именно такого рода.

Непосредственных связей между лексическим значением наполняющих высказывание слов и их ролью в

¹ См. [Mathesius 1947].

² См. [Ковтунова 1976], [Распопов 1970], [Селиверстова, Прозорова 1992], [Николаева 1982], [Николаева 1985].

определении тема-рематического состава теория актуального членения до сих пор не установила, сосредоточившись, главным образом, на анализе соотношения между темой, ремой и контекстом (и – шире – экстралингвистическими знаниями о ситуации)³. Однако существует много случаев, которые, если и не опровергают представления о роли контекста и речевой ситуации как о с н о в н о г о фактора, определяющего коммуникативное членение предложения, то все же ставят ее под сомнение. Во-первых, в каждом письменном тексте имеется начальное предложение, для которого нет предшествующего контекста и которое, тем не менее, обретает коммуникативную структуру в сознании воспринимающего текст и прочитывается при необходимости вслух адекватным образом. И лишь изредка встречаются случаи, когда последующий контекст диктует необходимость исправить первоначально неверно понятое предложение. Во-вторых, имеется немало случаев, когда слово, являющееся элементом известной из контекста информации, оказывается в роли ремы. Так, в примере (1) *Ему принесли салат и сосиски. Он с жадностью накинулся на е'ду* – фразовое ударение во втором предложении приходится на информацию, известную из предыдущего предложения (сосиски и салат – это еда). Если следовать традиционным представлениям теории актуального членения, фразовое ударение, отмечающее рему, не должно приходиться на слово, обозначающее информацию, известную из непосредственно предшествующего контекста. Но при мысленном или внешнем озвучивании второго предложения из этого примера фразовое ударение с высокой степенью вероятности будет поставлено именно таким образом, как указано. Еще один пример: в комнате двое, Настя и ее начальник. Начальник что-то произносит. Далее следует фраза: (2) *Настя внимательно посмотрела ему в гла'за*. Вряд ли носителю русского языка, читающему эту фразу, захочется при ее понимании и произнесении поставить фразовое ударение на какое-либо другое слово, кроме последнего, хотя из непосредственного контекста ясно, что *глаза начальника* – известная информация, поскольку раз есть начальник, то у него есть и глаза⁴. Сопоставление этого примера с таким, как (3) *Настя увидела у'сталость в его глазах* – позволяет предположить, что определяющую роль в решении вопроса о расстановке фразовых ударений при понимании и письменной речи и произнесении фраз вслух играет не контекст, а лексическая семантика и/или связанный с ней синтаксический состав предложения. Поскольку начало и конец в обоих сопоставленных примерах лексически одинаковы, напрашивается вывод о том, что различие в акцентных структурах объясняется или расхождением каких-то семантических составляющих сказуемых (*внимательно посмотреть* и *увидеть* (*усталость, злость, досаду, растерянность*)), или падежной принадлежностью слова *глаза* в первом и во втором примерах.

(3а) *Ему было 'холодно в одной рубашке*. – (3б) *Ему пришлось вый'ти в одной ру'башке*. Представим себе, что эти предложения образуют собой абсолютное начало текста, то есть предшествующий контекст воспринимающему письменную речь неизвестен, знаний о речевой ситуации у него пока нет. Тем не менее, высока вероятность, что он произнесет данные фразы именно таким образом. Словосочетание *в одной рубашке* в первом предложении оформлено как старая информация, хотя она таковой формально быть не может, поскольку у нас нет контекста. Во втором примере то же словосочетание подается как новая информация. Что побуждает нас произвести актуальное членение этих предложений именно так, а не иначе? В отличие от первой пары примеров, где *глаза* имеют разную падежную принадлежность в первом и втором предложениях, словосочетание *в одной рубашке* в обоих предложениях второй пары примеров стоит в одном и том же – предложном – падеже. В роли кандидата на объяснение причины различного актуального членения остается семантическое различие между сказуемыми *было холодно* и *пришлось вый'ти* или/и различная синтаксическая роль словосочетания в предложном падеже в первом и втором предложениях.

(4а) *Мальчик сидел в углу и тихо 'вел себя* – при таком порядке слов и фразовом ударении на *вел* фраза некорректна, для ее исправления требуется изменить порядок слов (*вел себя 'тихо*) или как минимум переместить фразовое ударение на *тихо*. (4б) *Мальчик сидел в углу и тихо 'пел* – корректная фраза. (5а) *Пособие позволяет впроголодь существо'вать* – фраза некорректна, в ней требуется изменить порядок слов и место фразового ударения: (5б) *Пособие позволяет существовать 'впроголодь*. Ср: (5в) *Пособие позволяет как-то* (вариант: *сносно*) *существо'вать* – это фраза правильная, некорректен был бы ее вариант с измененным порядком слов и смещением фразового ударения: (5г) *Пособие позволяет существовать 'как-то / 'сносно*. Предложения в сопоставляемых парах различаются исключительно лексическим значением одного-единственного элемента.

Эти примеры наглядно показывают, что а) фразовое ударение не безразлично к лексическому и/или синтаксическому составу предложения и б) контекст способен уступать свою главную роль определителя места фразового ударения лексическому и/или синтаксическому составу предложения.

К сожалению, объем доклада не позволяет формализовать и описать правила или, точнее, тенденции, которыми руководствуется интерпретатор письменного высказывания, прочитывая его так или иначе с точки зрения

³ «Нам неизвестны русские слова и конструкции, толкование которых имело бы непосредственное пересечение с определением р е м ы. Однако слова с рематической выделенностью существуют.» [Янко 2001:233]

⁴ Можно было бы назвать эту информацию «данное», но этот термин уже занят: в теории актуального членения «данное» – синоним «темы», а «новое» – синоним «ремы».

Значение просодической информации в лексикографическом толковании полисемии и омонимии

его акцентной структуры в зависимости от его лексического состава. Эти тенденции поддаются известной алгоритмизации, но это уже материал для книги, так как тенденций этих много. Некоторые из них вступают в отношения конкуренции, в которых одна из них одерживает верх. Их описание требует тщательного подбора пар примеров различного коммуникативного членения, которые отличались бы друг от друга только одной составляющей, иначе достоверность тенденции оказалась бы под сомнением. В рамках данной статьи приходится ограничиться наблюдениями лишь над некоторыми фактами актуального членения и вытекающими из этих наблюдений рекомендациями⁵.

Следующие примеры подтверждают справедливость предположения о роли прежде всего лексического состава предложения в принятии решения о его коммуникативном членении: (6а) *Тоска о'ставила меня.* – (6б) *То'ска накатила на меня;* (7а) *Он бы 'рад разрыву Наташи с мужем.* – (7б) *Приходите, буду рад вам по'мочь;* (8а) *Моя жена – превосходная кули'нарка.* – (8б) *Моя жена – по'средственная кулинарка;* (9а) *У нее были свои 'слуги.* – (9б) *У нее были сво'и взгляды;* (10а) *У него были знаменитые ро'дители.* – (10б) *У него б'ыли свои заслу'ги перед наукой (но человек он был малосимпатичный);* (11а) *У нас есть полный о'бед.* – (11б) *У нас 'есть о чем поговорить.*

Некоторые пары примеров обнаруживают различия в лексической семантике слова в зависимости от его ударной или безударной позиции. Так, *свои* в (9а) означает 'собственные', а в (9б) – 'своеобразные'. *Рад* в (7а) означает 'радовался', а в (7б) выражает формулу вежливости: это не указание на эмоцию, а метка приветливого тона, призванного помочь преодолеть возможные сомнения или застенчивость того, кому предлагается помощь. *Были* в (10а) выражает объективное отношение принадлежности, а в (10б) – уступительность, субъективную оценку объекта и намек на продолжение, содержащее некоторое противоположное утверждение об объекте (*ну да, я признаю, что он в известном смысле неплохой ученый, но человек он при этом малосимпатичный*). Безударное *есть* в (11а) выражает факт наличия, а ударное *есть* в (11б) в сочетании с *о чем поговорить* содержит субъективную оценку: уверенность говорящего в том, что на разговор стоит потратить время.

Справедлива и обратная зависимость: то или иное лексическое значение определяет, ставить ли на слове фразовое ударение или нет: (12) *Я запустил процесс приготовления еды.* – В зависимости от того, означает ли *запустил* 'начал' или 'перестал', глагол во фразе соответственно безударен или несет на себе фразовое ударение; (13) *Я просто смотрю на вещи.* – В зависимости от того, означает ли *просто* оценку ('отношусь к миру стараясь его излишне не усложнять') или характеризует действие *смотрю* ('смотрю и больше ничего не делаю'), *просто* в предложении ударно или безударно. Попутно меняется лексическое значения слова *вещи*: в первом имеется в виду отображение мира в чьем-то сознании, во втором – конкретные вещи, например, в комнате. (14) *В этой семье умеют хорошо печь.* – Если *умеют* означает способность, умение – то ударение на *печь*, а если это похвала ('понимают толк в выпечке'), то ударение на *умеют*. (15) *Посмотрите на меня.* – Если глагол *посмотрите* означает 'взгляните', то он под ударением, а если 'берите с меня пример', то он безударен.

Наблюдение над зависимостью некоторых лексических значений от ударности или безударности подводит нас к заключению о том, что перевод также не может быть безразличен к ацентной позиции лексемы во фразе. Так, перевод на немецкий язык слова *свои* в паре примеров (9а) и (9б) явно разный: (16а) *Sie hatte ihre eigenen 'Dienstboten.* – (16б) *Sie hatte 'eigenartige (ausgefallene, merkwürdige, ungewöhnliche) Ansichten.* Пару предложений с *есть* в (11а) и (11б) переведем как: (17а) *Wir haben (oder bieten) heute ein komplettes Me'nu.* – (17б) *Wir haben ge'nug zu besprechen.*

Толковые словари по-разному представляют многозначность. Так, для *свой* словарь Ожегова-Шведовой описывает оба значения, соответствующие (9а) и (9б). А вот на разницу в значениях *есть*, *быть*, манифестируемую позицией фразового ударения в (10а) и (10б) и проявляющуюся при переводе, словарь Ожегова-Шведовой не указывает. Необходимость различного перевода на другие языки обнаруживаем и в таких примерах, как: (18а) *Sie ist einfach in ihrem Ele'ment.* – (18б) *Sie ist 'einfach in ihren Lebensansichten.* Первое, безударное, *einfach* в (18а) означает 'просто, попросту' и с точки зрения грамматической принадлежности является наречием или частицей, а в рамках синтаксической структуры предложения это модальное слово, выражающее отношение говорящего к содержанию какого-то предыдущего высказывания собеседника. Ударное *einfach* в (18б) означает 'наивный', 'неглубокий', 'примитивный'; грамматически это прилагательное, синтаксически – предикатив. Словарь Wahrig содержит описание обоих значений, но, разумеется, без ссылки на разное акцентное поведение слова в одном и другом его значении в высказывании.

(19а) *Die meisten der bedeutenden Propheten, angefangen von Amos, befassen sich 'wenig mit theologischen Spekulationen (E. Fromm).* – (19б) *Die meisten der bedeutenden Propheten, angefangen von Amos, befassen sich ein*

⁵ Интересные наблюдения о «словах в темы и словах ремы» содержатся в 3-ей главе книги [Янко 2001]. См. тж. описание рematicеских и тематических глаголов в [Павлова 1987], описание семантики прилагательных в связи с их ролью в актуальном членении предложения в [Скорикова 1982]. Попытка обобщения семантических факторов, влияющих на рematicесность или тематичность тех или иных слов, групп слов и словосочетаний содержится в [Павлова 2007].

wenig mit theologischen Spekulationen. (19a) переводится так: *Большинство известных пророков, начиная с Амоса, 'мало / не'много размышляли о теологии,* (19б) – как *Большинство известных пророков, начиная с Амоса, немного размы'шляли о теологии.* Слово *немного* в первом предложении означает ‚мало‘, во втором – ‚слегка‘, ‚в некоторой степени‘. В словаре Ожегова-Шведовой оба значения *немного* приводятся через запятую, как одно. Их стоило бы разделить: не только акцентная и тема-рематическая структура предложения зависит от значения *немного*, но и перевод будет осуществлен по-разному (*wenig* или *ein wenig*) в зависимости от того, означает *немного* ‚мало‘ или ‚слегка‘.

Иногда попадаются примеры «акцентной омонимии» как метки многозначности лексемы в условиях полного совпадения прочих элементов предложения. Например: (20) *После отрицательного ответа папы Римского на свое прошение он оставил свою конфессию.* В зависимости от того, как будет истолковано значение *оставил* – как ‚покинул‘, ‚отказался‘ или как ‚сохранил‘, – фразовое ударение придется на *оставил* в первом случае или на *свою* во втором. Полное прояснение положения дел дает только последующий контекст, из которого выясняется, что «он» перешел из католичества в лютеранство. В зависимости от значения слова *оставил* в его ударной или безударной позиции, естественно, фразы переводятся по-разному: *er gab seine Konfession auf / er blieb bei seiner Konfession.* Словарь Ожегова-Шведовой содержит описание обоих значений глагола *оставлять*.

(21a) *Он поспешил уй'ти.* – (21б) *Он поспе'шил уйти.* В (21a) *поспешил уйти* означает ‚поспешно, быстро ушел‘, в (21б) содержится модальная оценка говорящего (осуждение, неодобрение): ‚зря он ушел‘. От поспешности как таковой в значении сказуемого второй фразы ничего не осталось. Словарь Ожегова-Шведовой включает описание только одного значения глагола *поспешить*.

(22a) *Я специально не 'буду заходить.* – (22б) *Я специ'ально не буду заходить.* Перевод этих предложений выглядит так: *Ich werde nicht extra vorbeikommen* (‚отдельно, только для чего-л.‘). – *Ich werde absichtlich nicht vorbeikommen* (‚намеренно‘). Словарь Ожегова-Шведовой не приводит разных значений слова *специально*.

(23a) *Du be'greifst langsam.* – (23б) *Du begreifst 'langsam.* Фразовое ударение приходится на *langsam* или минует его в зависимости от того, означает ли *langsam* ‚постепенно‘, как в (23а), или ‚небыстро, медленно‘, как в (23б). Разумеется, в принятии решения о расстановке фразовых ударений в таких случаях примерах не обойтись без контекста, проявляющего значение *langsam*. Словарь Wahrig описывает оба значения. Также для пары примеров (24a) *'Geh ruhig.* – (24б) *Geh 'ruhig,* в которой первая фраза означает ‚ступай себе‘, а вторая ‚иди спокойно, не спеши‘ – словарь Wahrig содержит описание обоих значений.

Любопытно, что русское *спокойный* обнаруживает аналогичное расхождение в значениях: (25) *Он спокойно ел.* Здесь *спокойно* может означать ‚он ел себе‘, то есть ел невозмутимо, не проявляя никаких эмоций, а может – ‚неспешно, неторопливо‘. Только во втором своем значении это слово при определенных контекстуальных условиях может оказаться под фразовым ударением и выступить в роли ремы: (25a) *Он спо'койно ел.* Скорее всего, для укрепления его роли ремы и облегчения задачи правильной расстановки фразового ударения в русском языке на письме автор изменит порядок слов: (25б) *Он ел спо'койно.* Значение, выражаемое словом *себе*, делает это слово принципиально безударным, при этом значении его грамматическая функция приближена к функции частицы. Между тем, словарь Ожегова-Шведовой не упоминает для *спокойный* значения ‚невозмутимый‘, ‚без выражения эмоций‘, в отличие от словаря Wahrig в отношении его немецкого эквивалента *ruhig*.

Лексическая семантика слова в значительной мере предопределяет его сильную или слабую акцентную позицию, его тяготение к тематической или рематической части высказывания и, следовательно, влияет также на положение слова во фразе. Это демонстрируют многие приведенные выше примеры. Словарное значение лексемы тесно связано с ее потенциальной способностью выступать в качестве элемента темы или акцентного центра высказывания – ремы. Не распространяя это утверждение на весь лексикон, отметим однако, что обнаружение связи между лексическим значением слова и его потенциальной ударностью или безударностью во фразе позволило бы уточнить лексикографическое описание значений. В частности, опора на такие связи способствовала бы более тонкой дифференциации значений полисемических лексем.

Таким образом, взаимодействие фразового ударения с лексической семантикой конкретных многозначных слов (или омонимов, развившихся из полисемии) имеет непосредственное отношение к лексикографии. Множество примеров свидетельствует в пользу положения о необходимости снабжать лексикографические толкования информацией о просодическом «поведении» слова во фразе⁶.

Очевидно, что фразовое ударение при произнесении высказываний в устной речи обладает способностью к передвижению сем в рамках одного значения или к замене одного значения многозначного слова другим. При восприятии письменной речи, наоборот, место фразового ударения часто диктуется и определяется тем или иным выбором значения многозначного слова. Однако далеко не все значения многозначных слов столь тесно связаны с фразовым ударением. Можно привести множество примеров, когда фразовое ударение остается безразличным к смене значения многозначного слова. Так, многозначность глагола *снять* в словосочетаниях *снять пальто*,

⁶ Мысль о необходимости этого высказывается в [Апресян 1995, 178-197] и [Апресян 1990], а также в [Скорикова 2002].

Значение просодической информации в лексикографическом толковании полисемии и омонимии

снять начальника, снять квартиру, снять крышку, снять сцену на пленку, снять кандидатуру и снять диагноз никак не отражается на отношении этого глагола к фразовому ударению, за исключением двух последних значений, ср. (26а) *Гость снял паль'то.* – (26б) *В нашем отделе сняли на'чальника.* – (26в) *Спустя месяц они сняли ква'ртиру.* – (26г) *Я сняла со сковородки 'крышку.* – (26д) *Немцов 'снял свою кандидатуру.* – (26е) *Через год врачи 'сняли диагноз.* Таким образом, смена значения далеко не всегда влечет за собой смену места фразового ударения. К акцентному выделению тяготеет в первую очередь лексика с субъективно-оценочной, ретроспективной и негативной семантикой. Помимо семантических ограничений, существует немало дополнительных факторов, которые способны вступать в противоречие с любыми просодическими характеристиками на уровне словаря. Так, акцентуации слова в силу его лексического значения способны противостоять такие факторы, как определенное коммуникативное задание (например, чистая повествовательность, причинность, событийность, употребление повелительного наклонения), фразеологическая связанность, однородные члены, употребление числительных и некоторые другие. Если описывать потенциальное акцентное поведение того или иного слова в словаре (а автор настоящей работы приверженец такой практики), то необходимо по крайней мере в предисловии описать потенциальные же препятствия, которые в реальной речи способны свести на нет просодическую характеристику того или иного значения многозначного слова или одного из омонимов. Очевидно, что далеко не все слова в словаре (и даже, скорее всего, меньшинство) требуют подобной просодической информации. С другой стороны, иные значения столь тесно связаны с фразовой просодией, что пренебрегать этим фактом в лексикографии нельзя. Это означает давать неполную семантическую информацию о лексическом составе языка. Кроме того, акцентуация или, наоборот, безакцентная позиция того или иного слова в парах идентичных или минимально различающихся предложений – это потенциальный дополнительный источник информации о словарной полисемии.

Список литературы

1. Mathesius V. O tak zvaném aktuálním členění větém//Čeština a obecný jazykozpyt. Praha, 1947.
2. Wahrig. Deutsches Wörterbuch. 7. Auflage. München, 200
3. Апресян Ю. Д. Типы лексикографической информации об означающем лексемы // Типология и грамматика. М., 1990.
4. Апресян Ю. Д. Изб. тр.: Интегр. описание яз. и систем. лексикография. М., 1995. С. 178–197.
5. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения//Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
6. Ковтунова И. И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
7. Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.
8. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. М., 1985.
9. Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
10. Павлова А. В. Акцентная структура высказывания в ее связях с лексической семантикой: Автореф. канд. дис. Л., 1987.
11. Павлова А. В. Интерпретация акцентной структуры высказывания при восприятии письменной речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН. Т. III. СПб, 2007 (в печати).
12. Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.
13. Селиверстова О. Н., Прозорова Л. А. Коммуникативная перспектива высказывания//Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.
14. Скорикова Т. П. Функциональные фозможности интонационного оформления словосочетания в потоке речи. М., 1982.
15. Скорикова Т. П. Принципы описания акцентогенных свойств лексем // Проблемы фонетики IV. М., 2002. С. 181–190.
16. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.